

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Пункт 79 повестки дня: Назначения для заполнения вакансий во вспомога- тельных органах Генеральной Ассамблеи (продолжение)	1
в) Комитет по взносам Доклад Пятого комитета	1
Пункт 101 повестки дня: Поправка к правилу 156 правил процедуры Гене- ральной Ассамблеи	1
Доклад Пятого комитета	1
Пункт 22 повестки дня: Положение на Ближнем Востоке (продолжение)	1

Председатель: г-н Адам Малик (Индонезия).

ПУНКТ 79 ПОВЕСТКИ ДНЯ

**Назначения для заполнения вакансий во вспомога-
тельных органах Генеральной Ассамблеи
(продолжение)***

в) Комитет по взносам

ДОКЛАД ПЯТОГО КОМИТЕТА (A/8462)

ПУНКТ 101 ПОВЕСТКИ ДНЯ

**Поправка к правилу 156 правил процедуры
Генеральной Ассамблеи**

ДОКЛАД ПЯТОГО КОМИТЕТА (A/8571)

1. Г-н РАМЕЙССОН (Тринидад и Тобаго) Докладчик Пятого комитета (*говорит по-английски*): Мне выпала честь представить доклад Пятого комитета о назначениях для заполнения вакансий в Комитете по взносам (A/8462). Рекомендации Пятого комитета изложены в двух проектах резолюций, содержащихся в пункте 9 доклада. В проекте резолюции А говорится о назначении одного лица для заполнения вакансии на оставшиеся два года, а в проекте резолюции В — о назначении еще пяти лиц на установленный трехлетний срок.

2. В пункте 5 документа A/8571 Пятый комитет рекомендует поправку к правилу 156 правил процедуры Генеральной Ассамблеи об увеличении с 1 января 1972 года состава Консультативного комитета по административным и бюджетным вопросам, чтобы ввести в него одного члена от Китая.

3. Пятый комитет, от имени которого я имею честь выступать, надеется, что проекты резолюций по обоим этим вопросам будут единогласно одобрены Генеральной Ассамблеей.

В соответствии с правилом 68 правил процедуры принимается решение не обсуждать доклады Пятого комитета.

4. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Сначала мы рассмотрим доклад Пятого комитета по пункту 79 в повестки дня, касающийся назначений для заполнения вакансий в Комитете по взносам.

5. Теперь Генеральная Ассамблея примет решение по проектам резолюций А и В, рекомендуемым Пятым комитетом в пункте 9 его доклада (A/8462). В случае отсутствия возражений я буду считать, что Генеральная Ассамблея принимает проекты резолюции А и В.

Проекты резолюции А и В принимаются [резолюции 2797 А и В (XXVI)].

6. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Теперь мы рассмотрим доклад Пятого комитета по пункту 101 повестки дня (A/8571). Генеральной Ассамблее предстоит теперь принять решение по проекту резолюции, рекомендуемому Пятым комитетом в пункте 9 его доклада. В случае отсутствия возражений я буду считать, что Генеральная Ассамблея принимает этот проект резолюции.

Проект резолюции принимается [резолюция 2898 (XXVI)].

ПУНКТ 22 ПОВЕСТКИ ДНЯ

Положение на Ближнем Востоке (продолжение)

7. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Теперь Генеральная Ассамблея заслушает тех представителей, которые хотят выступить по проектам резолюций A/L.650 и Add.1 и 2, A/L.651 и A/L.652 и Add.1. К проекту резолюции A/L.650 и Add.1 и 2 были представлены поправки, которые будут вскоре распространены в документе A/L.655.

8. Г-н ЛЕГАНИ (Уругвай) (*говорит по-испански*): Вопросы войны или угрозы войны глубоко затрагивают и беспокоят все человечество. Совершенно очевидно, что страдания, нищета и бесконечные лишения, которые порождают агрессивность и насилие, направленные на подавление человеческой личности, вызывают цепную реакцию роста насилия и распространения его роковых, губительных последствий; однако нет сомнения в том, что они вызывают реакцию, направленную на прекращение войны, если ее не удалось предо-

* Перенесено с 1979-го заседания.

тратить или избежать. Наша делегация понимает и осознает — последнее означает понимать более глубоко, — что вторая реакция выражает подлинно справедливые и законные чувства, ибо они вызываются, порождаются и побуждаются самыми благородными и возвышенными порывами человеческого духа, соответствуют самой природе человека, биологическому закону, согласно которому жизнь человека должна защищаться и охраняться.

9. Эти духовные силы явились фундаментом, на котором была построена наша достойная Организация Объединенных Наций. Именно поэтому, по нашему мнению, в преамбуле Устава говорится, что первейшей задачей народов является избавление человечества от бедствий войны. И именно поэтому также первой из целей Организации Объединенных Наций выступает такая цель:

«Поддерживать международный мир и безопасность и с этой целью принимать эффективные коллективные меры для предотвращения и устранения угрозы миру и подавления актов агрессии или других нарушений мира, и проводить мирными средствами, в согласии с принципами справедливости и международного права, улаживание и разрешение международных споров или ситуаций, которые могут привести к нарушению мира».

10. Таким образом, бесконечно повторяющийся исторический опыт, разум и чувства элементарно просвещенного человека признают, что нет и не может быть большего бедствия, несчастья, катастрофы, чем война, уничтожающая высшее благо — жизнь, основу и фундамент всякого другого блага.

11. Для того, чтобы покончить с величайшим бедствием — войной, Устав наделил эту политическую Организацию самыми широкими полномочиями для установления мира с помощью принудительных мер. Мы не утверждаем, что система коллективной безопасности, разработанная и закрепленная в Уставе, является неудовлетворительной. Она была в своей основе естественной, логичной и соответствующей обстоятельствам периода разработки Устава, ибо в тот момент согласованность усилий великих держав, — которые являлись великими в силу своего промышленного потенциала и своей военной и финансовой мощи, — такая согласованность, я повторяю, могла предотвратить развязывание войн в мире.

12. Однако если мы не утверждаем, что зафиксированная в Уставе система коллективной безопасности была неудовлетворительно разработана, мы, тем не менее, заявляем, что факты все больше подтверждают неудовлетворительное функционирование этой системы и ее прогрессирующее ухудшение и что это происходит по причине отсутствия единства великих держав, столь необходимого для нормального функционирования системы и жизненно важного для сохранения мира.

13. Дело в том, что успех, политическая результативность сформулированных положений, которые

легли в основу международных документов, в том числе Устава, в деле разрешения проблем человечества, прежде всего проблемы отсутствия безопасности в отношениях между народами, в значительной степени зависит от совершенства текстов, но еще в большей степени от духовного настроя правительств, народов и тех, кто осуществляет и применяет эти положения и вообще нормы, содержащиеся в указанных документах.

14. Мы не хотим прослыть пессимистами, не хотим заниматься критикой, хотя в принципе и справедливой.

15. Мы считаем, что было бы гораздо полезней, конструктивней и, в конечном итоге, эффективней наметить, если хотите, открыть, оптимистическую перспективу будущего человечества и Организации Объединенных Наций.

16. Обстоятельства могут меняться, принимать иной характер. Жизнь человечества, непрерывно изменяясь, предстает перед нами как многоцветная картина. Может случиться, что, несмотря на сохранение национальных страстей, подозрений, злобы и борьбы за власть, чувство подлинной и осознанной ответственности возобладает над неуверенностью и сомнением за судьбу человечества, существование которого поставлено под угрозу новыми факторами, связанными с существованием современного оружия массового уничтожения, и будет восстановлено единство усилий, необходимое для обеспечения мира во всем мире

17. Пока же, несмотря на очевидное нынешнее ухудшение системы безопасности, предусматривающей принятие принудительных мер для достижения мира и обеспечиваемой прежде всего постоянными членами Совета Безопасности, нельзя допускать, чтобы это ухудшение отрицательно сказалось на деятельности Генеральной Ассамблеи, чтобы представленным в ней государствам-членам отводилась роль пешек на международной шахматной доске, ибо это имело бы столь же пагубные последствия для дела мира.

18. Действующее международное право, положения Устава и закрепленные в нем принципы дают Генеральной Ассамблее эффективные средства для обеспечения мира на Ближнем Востоке.

19. У нас есть резолюция 242 (1967) Совета Безопасности, представляющая собой гармоничный и согласованный план и отражающая справедливые принципы, охватывающие все противоречивые моменты серьезной ситуации на Ближнем Востоке. Хорошо подготовленный комплекс мер, предусмотренных этой резолюцией, представляет собой точное воплощение целей, принципов и норм поведения, совершенно определенно предусмотренных Уставом Организации Объединенных Наций и торжественно подтвержденных в Декларации об укреплении международной безопасности [резолюция 2734 (XXV)].

20. Во исполнение резолюции 242 (1967) Совета был назначен посредник, посол Ярринг, который начал выполнение своей трудной задачи с действий, заслуживающих полной поддержки и свидетельствующих о его решимости и настойчи-

вом стремлении добиться успешных результатов в этом важнейшем предприятии.

21. Упомянутая Декларация об укреплении международной безопасности, как мы уже отмечали, подтверждает универсальную и безусловную ответственность целей и принципов Устава: в ней содержится призыв к государствам-членам использовать и стремиться лучше применять предусмотренные Уставом средства и методы для мирного урегулирования любого спора или ситуации, которые ставят под угрозу поддержание международного мира и безопасности; в числе этих методов и средств названы переговоры, посредничество и примирение, а также упомянуты другие меры правотворческого характера в целях урегулирования конфликта на Ближнем Востоке на основе справедливого решения.

22. В области практических действий положительное значение имеют усилия по примирению, принятые Комитетом глав африканских государств в соответствии с резолюцией, одобренной 23 июня 1971 года Ассамблеей глав государств и правительств Организации африканского единства, которые могут привести к принятию практических мер, обеспечивающих выполнение резолюции 242 (1967) Совета Безопасности во всех ее частях.

23. Таким образом, положения проекта резолюции A/L.652 и Add.1, который мы имеем честь внести совместно с Коста-Рикой и Гаити, соответствуют действующим нормам права, регулирующим функционирование нашей Организации, и нынешним усилиям по обеспечению переговоров и примирения, которые могут быть интенсифицированы в той мере, в какой будут помогать и содействовать им, создавая атмосферу, благоприятствующую мирному, справедливому и окончательно урегулированию.

24. Представленный нами проект резолюции, как уже говорилось, не является какой-то новой, оригинальной формулой, обладающей преимуществами, которые сами по себе разрешили бы конфликт. В действительности, как мы уже отмечали, нет писанных формул с такими преимуществами; они всегда будут зависеть от позиции тех, кому придется претворять их в жизнь.

25. Изложенная в проекте формула предусматривает проведение ранее взятого курса в надежде на то, что с помощью переговоров и примирительной процедуры удастся практически осуществить резолюцию 242 (1967) Совета Безопасности во всех ее частях.

26. Созданию благоприятствующей достижению мирного решения атмосферы отнюдь не способствует участие других государств во взаимных обвинениях и нападках сторон в конфликте. Вполне понятно, что представители сторон в конфликте, непосредственно ощущающие сложившуюся мучительную ситуацию, используют все незаконные и противоправные действия или бездействия, которые приписываются другой стороне.

27. Остальные государства-члены, которые уделяют этому вопросу необходимое внимание, должны,

по нашему мнению, занять только одну позицию — позицию мира, чтобы с помощью доводов, усилий по примирению и переговоров добиться прекращения различных противоправных и недостойных акций, в комплексе создающих обстановку открытой вражды, которая умалляет сознание человечества, оказывает воздействие на все международное сообщество и угрожает всем нам.

28. Мы знаем, что путь переговоров и примирения является скользким и трудным, что для этого требуются терпеливые, длительные и упорные усилия; этот путь представляет собой крутой подъем, изобилующий трудностями и препятствиями. Пройти этот путь — значит преодолеть трудности и устранить препятствия. Однако, по нашему мнению, это единственный реальный путь, так как он ведет к решению проблем мира, вызывает к человеческому сознанию и совести, ибо именно они определяют судьбы мира. Чтобы пройти его и достичь мира необходимо, следовательно, голос, призывающий к порядку. В этом вся простая философия, которой проникнут проект резолюции.

29. Г-н НУНЬЕС (Коста-Рика) (*говорит по-испански*): Делегация Коста-Рики имеет честь и удовольствие вместе с уважаемыми делегациями Гаити и Уругвая выдвинуть проект резолюции, который стремится охватить главные вызывающие беспокойство моменты, выявленные во время нынешних общих прений по вопросу о положении на Ближнем Востоке. Уважаемый г-н Председатель, г-да представители, мы вносим на рассмотрение Генеральной Ассамблеи текст проекта резолюции A/L.652 и Add.1.

30. Я с удовлетворением сообщая, что этот проект вносится в измененном виде: в постановляющую часть включен новый пункт, который гласит: «Постановляет оставить пункт «Положение на Ближнем Востоке» в повестке дня Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций вплоть до достижения мирного, справедливого и окончательного решения проблемы».

31. Наша делегация весьма удовлетворена тем духом доброй воли, в каком сформулировали свои мирные предложения на Генеральной Ассамблее два наиболее авторитетных эксперта в вопросе обсуждаемой конфликтной ситуации — министр иностранных дел Египта г-н Махмуд Риад и министр иностранных дел Израиля г-н Абба Эбан. Во время прений имели место чрезвычайно напряженные моменты, продиктованные духом злобы и вражды высказывания, однако они не смогли заслонить единодушно выраженной твердой веры в дело мира, стабильности, процветания и гармоничного сосуществования народов Ближнего Востока.

32. Давайте в этот чреватый опасностями момент попытаемся преодолеть все негативное. Устраним все стоящие на пути к миру препятствия, еще и еще раз попытаемся создать возможности для утверждения мира в отношениях между этими народами, которые в силу своей истории и своего вклада в мировую культуру заслуживают нашего глубокого уважения, восхищения, благодарности и симпатии.

33. Исходя из духовной сущности исторического развития, правительство Коста-Рики всегда выступало в защиту мирного существования и безопасности государства Израиль как суверенного политического образования, но эта позиция никогда не означала отступления от принципа уважения и проявления дружеских чувств к другим странам и народам, с которыми государству Израиль приходится жить в одном, самом беспокойном географическом районе на протяжении всей своей истории. В этом районе проявились различные события всемирной истории, здесь возникло движение народов, стремящихся утвердить свое право на существование и вновь обрести молодость, чтобы стать активной и творческой частью современного мира, борющегося за счастье человека путем ликвидации всех форм несправедливости, мешающих этому счастью.

34. Я ни в коей мере не собираюсь унижать достоинство или ущемлять основные права других народов, которые в силу исторических и географических условий вынуждены жить по соседству с израильским народом, когда в качестве представителя моего правительства, а также, с вашего позволения, в качестве католического священника говорю, что позиция Коста-Рики определяется историческим фактом, влияние которого нельзя не учитывать. Конечно, признание этого факта для многих представителей является лишь результатом акта веры — религиозной, мистической или мифической. Но от этого не становятся менее реальными его последствия для тех, кто его признает. Это уникальный случай в истории, когда народ возникает в результате трехстороннего пакта, основными элементами которого являются религия, народ и земля. На основании этого возникает важнейшая историческая константа: происходит отождествление этого народа с этой землей при постоянном его обращении к богу. Вполне может быть, что отдельные представители или группы представителей этого народа отреклись от этого бога и предали забвению эту землю; вполне можно допустить, что физические характеристики этой земли претерпели изменения в силу непредвиденных и преходящих обстоятельств, в которых, начиная с древнейших времен и до последнего периода, важную роль играют не сами народы этого района, а силы империалистического деспотизма. Однако эти превратности не привели к нарушению трехстороннего пакта, наоборот, он нашел свое конкретное воплощение в момент, когда в качестве главного принципа существования цивилизованных народов утвердилось жизненно важное право народов самим определять свой образ жизни в пределах своей территории, имея при этом точно определенные или безопасные границы, признаваемые как непосредственными соседями, так и международным сообществом.

35. С крахом двух империй в результате двух войн политическая география Ближнего Востока претерпела изменения: от состояния крайней изменчивости она переходит к определенным формам, по мере того как все народы этого района

добиваются признания права на существование в качестве суверенных государств в рамках четко определенных, точных, безопасных и признанных границ.

36. Организация Объединенных Наций, выполняющая благородную историческую миссию, в 1948 году решила признать право одного из этих народов жить в определенной части данного района в качестве суверенного государства и независимой страны. Таким образом, осуществилась мечта, чаяние израильского народа, в основе которого лежал тот трехсторонний пакт, который философия истории не может игнорировать. Следовало ожидать — и именно к этому стремилась Организация Объединенных Наций, — что этот народ, пройдя тысячелетний трудный и трагический путь, установит отношения гармоничного сосуществования со своими соседями и вместе с ними будет строить счастливую жизнь для всех жителей этого района, без каких-либо различий. Эта мечта должна была осуществиться в процессе мирного развития. К сожалению, этот процесс был нарушен военными действиями.

37. И я спрашиваю: пришлось бы нам ставить этот вопрос, который, к сожалению, приходится сейчас рассматривать, если бы в соответствии с решением Организации Объединенных Наций в конструктивном духе на Ближнем Востоке вместо насилия возникли и способствовали упрочению законности мощные процессы переговоров и взаимного проявления доброй воли, с тем чтобы обеспечить каждому народу, стремящемуся к обретению статуса суверенного государства, самостоятельное существование в пределах разумно определенных и справедливых границ; если бы возник процесс переговоров с целью определения прав отдельных групп людей, в связи с образованием суверенных государств, оказавшихся в тех из них, которые не соответствуют полностью характеру их культуры; если бы вместо насилия возник мощный процесс взаимопонимания в плане экономического сотрудничества и интеграции и социально-экономического развития, причем не одной части, а всех народов этого района.

38. Итак, будет ли продолжаться это состояние войны или мы все должны внести вклад в установление мира на Ближнем Востоке, исходя из того, что прозвучавшие здесь заявления о желании установить мир являются искренними? Может быть только орудия войны могут в конечном счете положить конец страданиям и насилию над людьми и нарушению прав различных групп, проживающих в этом районе? Нет, тысячу раз нет.

39. На этом уважаемом форуме уже произносилась торжественная фраза: «Пусть никогда не будет войны». Такой судьбы не заслуживают ни израильяне, ни палестинцы, ни египтяне, ни другие достойные народы этого района, источника исторических тайн. Мы располагаем другими средствами достижения мира, достойными цивилизованных людей. Во-первых, это резолюция, в соответствии с которой было создано государство Израиль; во-вторых, резолюция 242 (1967) Совета

Безопасности, которая как бы велением разума и сердца создала приемлемую, эффективную и справедливую основу для принятия мер в целях установления мира; в-третьих, миссия специального представителя Генерального секретаря, известного международного деятеля г-на Ярринга. К этим средствам добавилась в качестве спонтанного результата существования сообщества молодых государств африканского континента миссия мира, предпринятая главами десяти африканских государств, которые приняли проникнутый духом доброй воли документ, могущий служить источником достижения последующего взаимопонимания. Конечно, этот документ, возможно, не имеет такой юридической силы, как упомянутые выше документы, но он является выражением доброй воли, и многие ораторы с этой трибуны говорили о нем как об имеющем для нас силу документе.

40. Но если нам еще не поздно внести свой вклад в дело мира во всем мире, то в случае недостаточности этих документов мы можем здесь совместными усилиями выработать новый документ, поддержав тех, кто выразил желание способствовать установлению уз дружбы между народами Ближнего Востока. Мы взяли слово, чтобы выразить это намерение. Правительство моей страны с готовностью присоединяется к проекту резолюции, предложенному делегацией Уругвая (A/L.652 и Add.1) и являющемуся логическим следствием упомянутой выше духовной исторической перспективы, приверженности Уругвая нормам права, как основному принципу сосуществования людей, и его стремления внести вклад в торжество дела мира.

41. В этом проекте резолюции, по нашему мнению, не содержится ничего, что противоречило бы мирным намерениям, выраженным сторонами, находящимися сейчас, к сожалению, в состоянии конфликта; он не содержит ничего, что можно было бы истолковать как пристрастное предложение, не способствующее достижению мира. Поэтому мы надеемся на поддержку всех делегаций, заинтересованных в устранении препятствий на пути к миру, и просим их о поддержке.

42. Многие делегации, руководствуясь искренними и добрыми намерениями, хотели бы включить в проект резолюции о положении на Ближнем Востоке различные аспекты этой проблемы. Однако поступить таким образом означало бы создать порочный круг — добиваться включения элементов, для сбалансирования которых необходимо включение других элементов, которые в свою очередь требуют включения третьих элементов. Таким образом, мы оказываемся в порочном круге, который заставляет нас добиваться лучшего, являющегося при переговорах врагом хорошего.

43. Следуя этим путем, мы по существу создавали бы проект окончательного мирного договора, но подобная задача в силу своей деликатности должна быть поручена не нам, а посреднику между сторонами, который постепенно, в процессе взаимных уступок достиг бы желаемого мирного урегулирования.

44. Процесс, ведущий к установлению мира между народами, находящимися в состоянии конфликта, подобен процессу зарождения человеческой жизни: он либо протекает в таинственной среде чрева матери, либо не происходит вообще.

45. Я призываю всех устранить препятствия на пути к миру, отказавшись от предубеждений и заранее избранных позиций. Я призываю всех направить усилия на достижение положительных результатов, искренне добиваться установления мирных и дружественных отношений между всеми народами Ближнего Востока. Как говорится в обращении, слова которого в эти дни вспоминает значительная часть человечества и которое родилось как раз в этом многотрадном районе: «мир людям доброй воли».

46. Г-н ЭБАН (Израиль) (*говорит по-английски*): Сегодня я впервые выступаю с трибуны Организации Объединенных Наций после кончины Ральфа Банча. Г-н Банч служил всему международному сообществу, но в истории Израиля ему принадлежит особая роль. Еще в октябре 1948 года в своем первом докладе он с прозорливостью описал Израиль как живую реальность, суверенное существование которого явилось отправной точкой для правильного представления о будущем Ближнего Востока. В последующие годы его деятельность по примирению, его усилия по поддержанию мира имели особое значение для Ближнего Востока. Я высоко ценил в нем друга и соратника в борьбе за мир. Светлая память о нем сохранится надолго.

47. Нынешние прения не привели к существенному прогрессу на пути к урегулированию напряженной ситуации на Ближнем Востоке. Нам не следует этому удивляться. Для разрешения ближневосточного кризиса необходима не публичная полемика, а примирение, достигнутое в частном порядке. В конце концов проблемы истории, равенства, реальной действительности, права и мира уже много раз обсуждались в разных местах. Иногда я спрашиваю себя, можно ли еще сказать что-либо новое в этом отношении?

48. Слушая выступления и читая доклады, мы осознали, что как между различными ближневосточными странами, так и между ними и остальными странами мира происходит постоянный диалог. Иногда появлялось нечто новое. Время от времени мы становились свидетелями эксцентричных отклонений от здравого смысла, подобных тому, какое допустил представитель Гвинеи [2010-е заседание], изобразив Израиль как государство, диктующее и контролирующее политику великих держав, и стараясь опорочить те африканские государства (к счастью, их большинство), которые достойно продолжают сотрудничать с Израилем. Это сотрудничество является реальным фактом международной жизни, каким, независимо от решения парламента, является и существование документа, подписанного главами девяти африканских государств; в этом документе, сформулированном на высоком уровне объективности и международной учтивости, излагаются предложе-

ния, которые, хотя они и не полностью совпадают с политикой каждой из сторон, открыли бы путь к немедленному возобновлению плодотворного примирения.

49. В прениях были и другие забавные моменты, как, например, выступление г-на Баруди, который прервал свою карьеру боксера, чтобы заняться размышлениями о необходимости удалить флаг Израиля с карты Ближнего Востока и с флагштока Организации Объединенных Наций.

50. Но за этими исключениями прения сосредоточились на общеизвестных, знакомых всем нам вопросах.

51. Говоря об этих проектах резолюций, я хотел бы вкратце суммировать философские тезисы, опираясь на которые Израиль подходит к завершению данных прений. Непреложным историческим фактом является то, что еврейский народ вновь определенно как нация на земле, которая породила его и на которой мировое общественное мнение наблюдало и узаконило его возрождение. Эта нация имеет право защищать свою безопасность, хорошо помня о неумолимой враждебности, объектом которой она являлась на протяжении 23 лет. Израиль имеет право на свободные переговоры по всем вопросам, касающимся его безопасности, в том числе и по вопросам о выводе войск, определении безопасных и признанных границ и дополнительных мероприятиях по обеспечению стабильного будущего для него и его соседей.

52. Как я уже говорил, целью политики Израиля является не аннексия, а мир в безопасных и признанных границах, которые должны быть определены в результате переговоров и достижения договоренности. Наша цель — не восстановление непрочного перемирия, которое рушилось у нас на глазах, обещая нам полный крах; наша цель — обновление, строительство прочного и длительного мира.

53. Понимание позиции Израиля имеет теперь не менее важное значение, чем тщательный анализ текстов. В основе нашей реакции на эти проекты резолюций лежит серьезное беспокойство о нашей физической безопасности. В интенсивности и глубине нашего беспокойства есть какой-то особый момент. Этот особый момент объясняется тем, что ни один другой народ не подвергался такой угрозе его физической безопасности, какой подвергался народ Израиля за десятилетие существования нацизма. По своей глубине и масштабам наш опыт не имел себе равного в истории любого другого народа, как нет и другого государства в международном сообществе, которое прожило бы 23 года в условиях постоянной угрозы самому его существованию.

54. Поэтому мы никак не можем уйти от этой проблемы безопасности. Мы денно и нощно думаем и размышляем о ней. Вот почему процесс восстановления мира требует искусного подхода; вот почему структура мира должна быть выработана на основе соглашения между сторонами, участвующими в конфликте.

55. В корне проблемы лежит отсутствие доверия. Нам говорят, что, по мнению арабских государств, политика Израиля основана на какой-то необоснованной жажде экспансии. Но это неверно. На мирных переговорах мы будем выдвигать лишь такие предложения о границах, которые необходимы для обеспечения безопасности. Именно таков будет критерий для изменений, которые мы предложим, и я не намерен еще раз обсуждать вопрос об огромной, неоспоримой исторической, политической и юридической правомерности заявлений о том, что нам предстоит установить не линию перемирия, а впервые определить постоянные, согласованные границы между Израилем и Египтом и между Израилем и каждым из его соседей. Что касается Израиля, то наше мнение о политике Египта заключается в следующем: мы опасаемся и считаем, что политика Египта имеет целью сначала заставить нас вернуться к ненадежности и уязвимости демаркационной линии перемирия, чтобы затем поддерживать и усиливать на нас давление. Иными словами, мы не убеждены в наличии подлинного и действительного стремления к миру.

56. Такое отсутствие доверия проистекает из отказа вести переговоры. Оно еще подкрепляется некоторыми из уклончивых ответов правительства Египта на памятную записку г-на Ярринга [A/8541, приложение I]. Мы считаем, что предложения относительно Суэцкого канала означают возобновление блокады. Мы считаем, что предложения относительно Тиранского пролива означают допущение возможности возобновить блокаду. Фактически мы считаем, что египетское правительство предлагает восстановить неустойчивое перемирие, заменяя лишь слово «перемирие» словом «мир».

57. Это откровенное описание затруднительного положения, в котором находится Израиль из-за недоверия к основным намерениям Египта. Но если у Египта существует недоверие к намерениям Израиля, а у Израиля — к намерениям Египта, то где же выход? Выход заключается в переговорах. Если мы неправильно понимаем позицию Египта, то только процесс переговоров мог бы привести к перемене, если такая перемена будет оправдана реальной действительностью.

58. История международной жизни за последние годы, и особенно за 1971 год, свидетельствует о том, что переговоры — это не просто вопрос процедуры, а динамичный принцип, который оказывает воздействие на основные позиции и в конечном счете приводит к конкретной договоренности. Но для того, чтобы переговоры были эффективными, они должны быть свободными. Ни одна из сторон не может потребовать от другой стороны, чтобы она заранее, до начала переговоров, согласилась с ее собственными мнениями или с ее предложениями. Вопросы о многосторонности и разнообразии возможностей, открытых для переговоров, я уже касался в моем выступлении на Генеральной Ассамблее 30 сентября этого года [1946-е заседание]. Мы готовы приступить к обсуждению специального соглашения об открытии Суэцкого канала с частичным отводом израильских войск на согла-

сованное расстояние, если будут выполнены условия, которые нейтрализовали бы и сбалансировали возникающий при этом военный риск. Мы готовы немедленно возобновить переговоры о всеобъемлющем урегулировании при содействии посла Ярринга и в рамках резолюции 242 (1967) Совета Безопасности.

59. Вопрос состоит в том, примет ли Генеральная Ассамблея меры, которые могли бы ликвидировать трудности, которые фактически тормозят работу миссии Ярринга с февраля этого года. Генеральная Ассамблея имеет возможность — если только она воспользуется ею — открыть двери для переговоров и вывести дело из тупика. Я вижу три таких возможности. Первая изложена в пункте А постановляющей части памятной записки, подписанной главами девяти африканских государств, выдержка из которой приводится в проекте резолюции, представленном делегацией Барбадоса (A/L.651), а именно:

«а) согласие... сторон возобновить непрямые переговоры при содействии г-на Ярринга... и в рамках резолюции 242 (1967) Совета Безопасности в целях достижения мирного соглашения».

Мы не делали секрета из того факта, — и я не собираюсь отрицать его и сейчас, — что рассматриваем слова «непрямые переговоры» как неудачную оговорку. Опыт показал, что международные соглашения не могут достигаться государствами, одно из которых отказывается от прямых контактов с другим. Но стремясь сделать возможным хоть какое-нибудь движение, мы согласились на косвенную процедуру, предусматриваемую миссией Ярринга, не оставляя в то же время надежды, что если бы такие контакты были плодотворными, они привели бы к логическому следствию — обычной процедуры переговоров. Во всяком случае, такова одна возможность: принять предложение президентов африканских государств.

60. Другая возможность — это принятие проекта резолюции делегации Барбадоса, к которой, насколько я понимаю, присоединились и другие делегации, — в его существующей формулировке. В нем опять-таки не выражается поддержка многим положениям, выдвигавшимся Израилем. В нем не поддерживаются некоторые из наших важнейших положений. Но если бы он был принят, что явилось бы поддержкой предложений, представленных Комитетом глав африканских государств на рассмотрение сторон, тогда Израиль смог бы на этой основе на следующее же утро возобновить сотрудничество — которого мы фактически никогда и не хотели прерывать — с Египтом при содействии миссии Ярринга.

61. Еще одной возможностью могло бы быть принятие проекта резолюции, который столь красноречиво предложили сегодня утром представители Коста-Рики и Уругвая [A/L.652 и Add.1]: Латинская Америка является единственным крупным незаинтересованным континентом, выступающим на ближневосточной арене, в том смысле, что ни Израиль, ни какое-либо из арабских государств не входят в ее континентальную организацию. Поэто-

му здесь нет того неравенства, парламентского и численного неравенства, которое объективно возникает на других континентах, в организациях которых Израиль не представлен, тогда как арабские государства представлены там в избытке.

62. Следовательно, предложения, поступающие с этого континента, имеют известное моральное значение, объясняющееся непредубежденностью, отдаленностью и объективностью. Мы имеем перед собой текст, к эмоциональным источникам которого я внимательно прислушивался; текст, в котором нет никаких шероховатостей, в котором все сбалансировано и в котором говорится об очень простых вещах, а именно, что независимо от всего, что происходило раньше, стороны должны вновь сотрудничать, возобновив переговоры через посредство миссии Специального представителя и приложить все усилия, чтобы сделать возможным достижение соглашений, необходимых для выполнения резолюции 242 (1967) Совета Безопасности в целом.

63. Таким образом, все, что говорится в проекте резолюции — это то, что необходимо установить мир, необходимы переговоры и эти переговоры должны осуществляться в рамках процедуры и основных положений, указанных в резолюции 242 (1967) Совета Безопасности. Я не могу себе представить как могут те, кто хочет мира и поддерживает резолюцию 242 (1967), найти в тексте моменты, против которых можно возражать. Во всяком случае, если бы он был принят, Израиль на следующий же день установил бы контакт со Специальным представителем Генерального секретаря для обсуждения вопроса о возобновлении эффективной работы его миссии.

64. Таковы различные возможности, благодаря которым можно было бы выйти из создавшегося тупика, состояния неопределенности или застоя, в усилиях по достижению примирения. Именно по этой причине мы не можем реагировать на текст, представленный Афганистаном и другими государствами-членами [A/L.650 и Add.1 и 2], иначе, как с изумлением и замешательством. Мы отмечаем, что он не получил единодушной поддержки со стороны девяти президентов африканских государств и что в нем фактически абсолютно не отражена проделанная ими работа. Я знаю, что здесь, на Генеральной Ассамблее, между Израилем и Египтом существует большое несоответствие в смысле голосов, на которые они могут рассчитывать, но факт наличия 18 арабских государств и проегипетского блока при голосовании в количестве более 40 государств никак не может заставить нас пожертвовать нашими важнейшими интересами из-за численного превосходства.

65. Я считаю, что органы Организации Объединенных Наций должны пытаться добиваться договоренности, а не решать самим основные проблемы; именно этим и отличаются тексты, о которых я с одобрением отзывался; они направлены на возобновление процесса переговоров. Их принятие означало бы возобновление деятельности миссии Ярринга на следующий же день. Они свидетельст-

вуют о том, какая необходима сдержанность, чтобы оставить вопрос о соглашениях на суверенную ответственность самих сторон.

66. В тексте, представленном Афганистаном и другими странами, нет ни одного из этих положительных качеств. Но если имеются такие формулировки, какие представлены странами Латинской Америки, формулировки, лишённые всякой предвзятости и резкой критики, которые позволили бы миссии Ярринга возобновить работу на следующий же день, то зачем Генеральной Ассамблее настаивать на принятии текста, который явно оказал бы обратное воздействие? Вопросы, по которым нам предстоит здесь голосовать, не носят, конечно, столь драматического характера и не связаны со столь далеко идущими последствиями, как те, которые обсуждаются сегодня Советом Безопасности, и, конечно, рекомендации Генеральной Ассамблеи не имеют той же политической и юридической силы, но Генеральная Ассамблея занимает важную позицию, поскольку она может в настоящее время способствовать или препятствовать переговорам. Я считаю, что голосование за оба проекта резолюций, о которых я говорил, привело бы к возобновлению переговоров завтра же. Я считаю, что голосование за проект резолюции Афганистана блокировало бы эти переговоры по причинам, изложенным ниже.

67. Теперь я хочу подробно остановиться на тексте проекта резолюции A/L.650 и Add.1 и 2. Прежде всего, позвольте мне сказать несколько слов о его авторах. Он представлен группой государств, половина из которых не поддерживают отношений с Израилем, но все они поддерживают отношения с Египтом. В добавление к этому первоначальному доказательству предвзятости установлено, что представители Египта принимали участие в его разработке. Следовательно, данный документ является отражением арабской позиции. По моему мнению, он не отражает попытки сформулировать объективную международную политику.

68. Некоторые из его основных недостатков сводятся к следующему: прежде всего, содержащееся в третьем пункте преамбулы заявление не имеет отношения к нынешнему спору, поскольку Организация Объединённых Наций — вернее, почти все ее члены, — согласны, что войска не должны быть отведены с линии прекращения огня до установления мира. Вряд ли какая-либо иная доктрина найдет поддержку в международном сообществе. Таким образом, общие заявления по территориальным вопросам не имеют никакого отношения к данной позиции. Суть политики Израиля состоит в том, что после установления мира войска были бы отведены от линий прекращения огня к границам, о которых придется договориться Израилю и его соседям.

69. В четвертом пункте преамбулы наблюдается следующий огромный парадокс. Генеральной Ассамблее предлагается выразить признательность за усилия, предпринятые Комитетом глав африканских государств, однако Ассамблея по неизвестным причинам до сих пор официально не

занималась рассмотрением вывода, к которому привели усилия этой комиссии. По своей сути проект резолюции A/L.650 и Add.1 и 2 фактически является отрицанием усилий, предпринятых главами африканских государств. В нем умалчивается об основных предложениях глав африканских государств и включены положения и заявления, несоместимые с этими предложениями. Если Генеральная Ассамблея хочет выразить искреннюю признательность за усилия, предпринятые главами десяти африканских государств, то она безусловно поддержит резолюцию, которая отражает их выводы. Подобные выводы содержатся в проекте резолюции, предложенном делегацией Барбадоса, но они не отражены — едва ли хоть один из них приводится в нем, едва ли там существует хоть одна фраза из них — в проекте резолюции A/L.650 и Add.1 и 2.

70. Пятый пункт преамбулы является нарушением резолюции 242 (1967) Совета Безопасности, согласно которой вывод войск с оккупированных территорий обусловлен установлением мира при безопасных и признанных границах. Это связующее звено, которое является основой правовых положений Совета Безопасности, здесь ослаблено выражением беспокойства по поводу оккупации без всякого выражения беспокойства по поводу отсутствия мира. В такой односторонней формулировке этот пункт принимает чуть ли не оскорбительный характер. Ничего подобного, что изолировало бы вопрос об оккупации от остальных связующих звеньев — установления мира и обеспечения безопасных и признанных границ — нет ни в резолюции 242 (1967) Совета Безопасности, ни в выводах глав африканских государств. Таким образом, этот пункт противоречит правовым положениям Совета Безопасности, а следовательно, и документальной договоренности, признанной обеими сторонами.

71. Мы считаем, что Специальный представитель Генерального секретаря не может иметь каких-либо иных полномочий, кроме обусловленных в тексте резолюции 242 (1967) Совета Безопасности. В ноябре прошлого года возобновление его миссии стало возможным только когда стало ясно, что в своих контактах со сторонами он будет руководствоваться исключительно текстом резолюции 242 (1967) Совета Безопасности. Зачем же тогда создавать запутанные и двойственные правовые положения путем выборочного и неточного цитирования из этого основополагающего документа? Пятый пункт преамбулы представляет собой неточную и выхваченную из текста выдержку из резолюции 242 (1967) Совета Безопасности, и поэтому логически не может быть поддержан теми, кто отстаивает данную резолюцию Совета Безопасности.

72. Пункт 1 постановляющей части — подтверждение по поводу приобретения территории силой — является выборочной и неточной выдержкой из преамбулы резолюции 242 (1967) Совета Безопасности. Фактически, в проекте, представленном Афганистаном и другими странами, не

подтверждаются основные положения резолюции 242 (1967) Совета Безопасности о мире, о безопасных и признанных границах и о взаимном признании государств. В нем лишь подтверждается содержащаяся в преамбуле ссылка в интересах арабской стороны, без единой соответствующей ссылки на какие-либо уравнивающие положения в интересах Израиля.

73. Один из способов свести на нет значение документа состоит, конечно, в том, чтобы возражать против него. Другой способ — это изъять из него, — а следовательно, из условий, обеспечивающих равновесие, — одну часть без соответствующих ссылок на другую часть. Непрочному равновесию резолюции 242 (1967) Совета Безопасности, достигнутому ее авторами и сторонниками, угрожает любая попытка ее выборочного цитирования. Самой вопиющей попыткой выборочного цитирования является такое возведение ссылки, содержащейся в преамбуле резолюции Совета Безопасности, в степень первого пункта постановляющей части данного текста с содержащимся в нем подтверждением.

74. Теперь я перехожу к пункту 2 постановляющей части. В резолюции Совета Безопасности предусматривается мирное соглашение в соответствии с его резолюцией 242 (1967). В этом тексте говорится, что это мирное соглашение должно быть таким, какое предусматривается в памятной записке Специального представителя от 8 февраля 1971 года [A/8541, приложение 1]. Поэтому данный проект сужает, а не расширяет выбор, он даже не имеет целью оставить их в существующем виде. Этот проект резолюции сокращает выбор до единственного рабочего документа, который уже с февраля 1971 года является причиной создавшегося в этом вопросе тупика.

75. Но ведь стороны имеют суверенное право прийти к мирному соглашению на любых условиях, которые они находят взаимоприемлемыми, а они сочли взаимоприемлемыми принципы, изложенные в резолюции Совета Безопасности. Несмотря на их рассуждения в толковании, сам факт их документального согласия имеет важное значение, но они не достигли аналогичного единства мнений по этому рабочему документу.

76. Их нельзя ограничить единственной возможностью, упомянутой в докладе Специального представителя. Этой памятной записке не следует придавать такого значения, чтобы она становилась препятствием. Здесь я хочу сослаться на мудрое замечание из заявления уважаемого министра иностранных дел Заира [2010-е заседание], который просил нас не ставить мир на земле в зависимость от ответа на памятную записку Специального представителя Генерального секретаря. Я считаю, что это очень важный призыв. Если возникает противоречие между необходимостью в переговорах и положениями документа, то чему следует отдать предпочтение? Следует ли нам канонизировать этот документ или постараться помочь сторонам приступить к активным переговорам?

77. Кое-какие из этих замечаний применимы и к пунктам 3, 4 и 5 постановляющей части. В этом, пожалуй, и заключается суть проблемы, обсуждаемой Генеральной Ассамблеей. Мы возражаем против этих пунктов потому, что они лишь еще больше усугубляют безвыходное положение, существующее с февраля 1971 года. Здесь Генеральной Ассамблее предлагают сказать: «Начиная с февраля переговоры прерваны; давайте примем меры к тому, чтобы этот перерыв продолжался, давайте закрепим и утвердим причины, по которым возник такой тупик».

78. Эти пункты представляются тем более необычными, поскольку в остальных находящихся у нас на рассмотрении проектах, представленных делегациями Уругвая, Коста-Рики и Барбадоса, как и в памятной записке глав десяти африканских государств, предпринимается добросовестная попытка увеличить, а не сократить возможность переговоров: В этих пунктах также искажаются факты. Неверно, что на памятную записку Египет дал положительный, а Израиль отрицательный ответ. Фактически каждое из этих государств выдвинуло контрпредложения, что является их законным правом. В постановляющей части памятной записки Специального представителя Генерального секретаря нет ни одного положения, с которым Египет безоговорочно согласился бы; в каждом случае он отвечал — как он и имел на это законное право — различными формулировками, отражавшими его собственную политику. Аналогичным образом поступал и Израиль.

79. Если резолюция 242 (1967) Совета Безопасности имеет назначением добиться согласованного мнения, то было бы незаконно диктовать другой стороне какое-то конкретное решение, как это делается в пункте 5 постановляющей части. Заинтересованные государства имеют право отвечать на эту памятную записку, исходя из своей собственной политики, говорить, чего они хотят, указывать, что они считают для себя приемлемым, а что — неприемлемым.

80. Вот что, по-моему, должно было бы случиться в феврале 1971 года и что должно случиться теперь; теперь когда обе стороны изложили в ответах на памятную записку посла Ярринга свои основные позиции, между ними должны начаться подробные и конкретные переговоры, чтобы выяснить, возможно ли согласовать эти позиции. Я не отрицаю, что задача эта трудная; в позициях сторон имеются серьезные разногласия. Но за памятной запиской Специального представителя Генерального секретаря, которая выполнила свою роль катализатора, способствовав уточнению позиции сторон, должен теперь последовать процесс конкретного и подробного обсуждения разногласий, выявившихся в их ответах.

81. Именно это я имею в виду, говоря, что решением проблемы была бы рекомендация Генеральной Ассамблеи продолжать деятельность миссии Ярринга на условиях, указанных в некоторых из рассматриваемых нами проектов; здесь я привожу

выдержку из памятной записки глав африканских государств:

«... согласие обеих сторон возобновить прямые переговоры под эгидой д-ра Ярринга и в рамках резолюции 242 (1967) в целях достижения мирного соглашения».

или же, как это не менее ясно, хотя и в несколько иной формулировке изложено в проекте, представленном делегациями Коста-Рики, Гаити и Уругвая (A/L.652 и Add.1):

«просит стороны согласиться на возобновление переговоров через посредство миссии Специального представителя и приложить все усилия, чтобы сделать возможным достижение соглашения, необходимых для претворения в жизнь резолюции 242 (1967) Совета Безопасности в целом».

82. На каждый из этих двух проектов, в случае их принятия Генеральной Ассамблеей, правительство моей страны немедленно дало бы положительный ответ.

83. С другой стороны, проект резолюции A/L.650 и Add.1 и 2 не рассчитан на то, чтобы выйти из тупика. У меня создается впечатление, что он преследует совершенно иную цель. Эта цель заключается не в том, чтобы найти выход из тупика, а в том, чтобы возложить всю ответственность за создавшийся тупик на Израиль. Но это чисто тактическая цель; возможно, что ее удалось бы достичь благодаря численному превосходству, но это не принесло бы существенных преимуществ ни Ближнему Востоку, ни всему миру в целом. Возможны даже еще более зловещие последствия, и в свете сообщений печати я должен задать и себе, и Генеральной Ассамблее следующий вопрос: не направлен ли этот проект резолюции на то, чтобы помешать Израилю выбраться из тупика, создавшегося в вопросе о переговорах в рамках миссии Ярринга, создать миф об ответственности за этот тупик, и, прикрываясь этим мифом, возобновить бой? Имеет ли Генеральная Ассамблея право забывать о том, что одним из последствий этого проекта резолюции было бы создание обстановки примирения с отсутствием переговоров, а следовательно, и с перспективой возобновления боев? Случайно ли в этом документе нет ни одного слова о желательности прекращения огня? В свете сообщений печати необходимо поставить эти вопросы.

84. Я не могу не вернуться к этой проблеме отсутствия доверия. Не ограничиваясь подходом к этому вопросу лишь с процедурной точки зрения, разрешите мне сказать, с какой основной трудностью Израиль сталкивается еще до переговоров в связи с требованием о полном выводе войск с Синайского полуострова. Израиль не ставит под сомнение правомерность позиции Египта. Но мы имеем не менее законное право делать оговорки и выдвигать контрпредложения в свете недавних трагических исторических событий, в свете нашей уверенности — ограничусь лишь одним примером, — что в день, когда в Шарм-эль-Шейхе не

осталось бы израильских войск, могла бы начаться четвертая арабо-израильская война, причем единственное, что сохранилось бы в истории — это дата ее начала. В этом мы убеждены, в этом мы уверены. Это подтверждается столь яркими трагическими воспоминаниями, что все они, вероятно, еще сохранились в памяти каждого из присутствующих здесь.

85. Поэтому мы не считаем, что можем заранее отказаться от своего права достичь договорного урегулирования в рамках соглашения (а такие соглашения различного рода существуют во всем мире), на основании которого мы смогли бы обеспечить защиту важнейших интересов Израиля в вопросах его обороны и судоходства. С примерами, свидетельствующими о ненадежности остальных альтернатив мы сталкиваемся изо дня в день. Многие представители говорили о том, что они называют «гарантиями Совета Безопасности». Я спрашиваю всех моих коллег здесь, существуют ли такие гарантии? Мы, конечно, стремимся к тому, чтобы в мире царили порядок, законность и мир и чтобы в нем существовали международные органы власти, способные гарантировать безопасность. Такова наша мечта, таковы наши чаяния. Думает ли кто-либо, что такой мир уже существует?

86. Это очень благородная мечта. Она оказывает огромное влияние на сознание израильтян. Если вы будете рассматривать эту мечту о международном сообществе суверенных стран, связанных воедино договором о законности и мире, то вы сможете найти ее истоки в литературе и философии нашего народа. Но существует ли эта мечта в действительности? Неужели никто не видит связи между этим обсуждением и другим, еще более напряженным и важным обсуждением, которое происходит в другом месте? Опыт научил нас тому, что, какому бы нападению ни подвергся Израиль, Совет Безопасности не предпримет никаких мер, чтобы восстановить справедливость. Если бы была возобновлена блокада Израиля, Совет Безопасности не смог бы ничего сделать. Если бы против нас сосредоточивались войска или было совершено вторжение на нашу территорию, Совет Безопасности не смог бы ничего сделать. Если бы однажды утром Тель-Авив стали бомбить без всякого повода, Совет Безопасности ничего не сделал бы. Такова реальность равновесия сил.

87. Может ли кто-либо представить себе, что Совет Безопасности, даже в случае мобилизации большинства голосов, допустил — при наличии двух возможностей применения права вето для замораживания положения — принятие резолюции, несовместимой с арабскими чаяниями и устремлениями? Не являлись ли мы на этой неделе свидетелями того, как Совету Безопасности полностью препятствовали принять меры против любого государства, пользующегося поддержкой одной из великих держав? Есть ли какое-либо различие между советско-египетским договором и другими договорами, воздействие которых выявилось в ходе прений, происходивших на этой неделе в Совете Безопасности?

88. Поэтому вопрос о достижении соглашений о безопасности, которые имели бы силу, которые опирались бы на переговоры, которые выполнялись бы сторонами и которые не зависели бы от прихотей и от милости соперничающих между собой великих держав, является вопросом насущных интересов, которые ограждаются в остальных текстах, но к которым крайне предвзято подходят в данном тексте, требуя, чтобы мы еще до переговоров заявили, что исключаем все принципы, кроме тех, которые предусматривают отвод войск на прежние международные границы и которые, кстати, никто не называет существующими международными границами. Международные границы между Израилем и Египтом должны быть установлены по договоренности между ними. Это должно было иметь место много лет назад. Это должно произойти теперь благодаря переговорам при посредничестве миссии Ярринга.

89. Таким образом, проект резолюции A/L.650 и Add.1 и 2 лишь в гораздо менее согласованной форме повторяет резолюцию, принятую в 1970 году [(резолюция 2628 (XXV)], которая не оказала благоприятного воздействия на обстановку на Ближнем Востоке. Теперь цель должна заключаться в том, чтобы помочь обеим сторонам выбраться из тупика, который существует с февраля 1971 года. Обе стороны изложили свои основные позиции. Наша позиция не носила ультимативного и обусловленного характера. Мы не заявляем, что условием возобновления переговоров должно быть согласие Египта с какой-либо из наших точек зрения. Но теперь, когда стороны изложили свои основные позиции, они должны для достижения договоренности приступить к подробным и конкретным переговорам под эгидой посла Ярринга.

90. Меморандум глав десяти африканских государств, проект резолюции Гаити, Коста-Рики и Уругвая [A/L.652 и Add.1], текст делегации Барбадоса (A/L.651) — все эти документы содержат формулировки, которые — вне зависимости от наших остальных оговорок — сделают возможным возобновление переговоров. С другой стороны, содержащийся в документе A/L.650 проект резолюции, который выборочно и неточно цитирует резолюцию Совета Безопасности, проникнут духом нетерпимости и предлагает узкий круг альтернатив, делает переговоры маловероятными и тем самым способствует ослаблению потенциальной стабильности прекращения огня.

91. Это и объясняет позицию, которую займет при голосовании Израиль. Я считаю, что голосование за проект резолюции A/L.650 препятствовало бы переговорам. Поэтому мы возражаем против этого проекта. Я считаю, что голосование за остальные представленные здесь тексты позволит начать переговоры завтра же утром, и поэтому, несмотря на наши другие оговорки, мы считаем, что Генеральной Ассамблее стоит поддержать их.

92. Г-н Эз-ЗАЙЯТ (Египет) (*говорит по-английски*): Между Египтом и Израилем нет международных границ. Между Египтом и Израилем не

существовало международных границ и в прошлом. Когда в соответствии с резолюцией, принятой в 1947 году этой Ассамблеей [резолюция 181 (II)], появился на свет Израиль, он был создан на части Палестины.

93. В письме, направленном президенту Соединенных Штатов Америки с просьбой о признании еврейского государства Израиль, ясно говорилось, что Израиль добивается признания в границах и пределах, определенных в резолюции о разделе, принятой в 1947 году Генеральной Ассамблеи. Эта резолюция Генеральной Ассамблеи о разделе не преследовала цели разделить Ближний Восток. Она разделила Палестину. Наши исторические границы с Палестиной, установленные 4000 лет назад, остаются теми границами, которые существовали с бывшей подмандатной территорией, находившейся под действием британского мандата. Это были прежние границы, а когда истек срок действия мандата, они стали фактически границами нашей страны с Палестиной.

94. Г-н Ярринг просил, чтобы в качестве первого шага Израиль взял на себя обязательство вернуться к международным границам Египта с Палестиной, после чего был бы рассмотрен палестинский вопрос. Никто в действительности не осмеливался думать, что Израиль в своих экспансионистских планах не остановится даже после поглощения всего арабского государства, образованного в 1947 году, или того, что осталось от него после предыдущих войн, а распространит эти планы на другие, прилегающие страны Ближнего Востока, вплоть до попыток нарушить границы Египта, Сирии и Иордании.

95. Я прибыл сюда не для того, чтобы отвечать на вопросы или вступать в полемику, цель которой — задержать принятие Ассамблеей решения и умыть его значение. Я прибыл для того, чтобы сказать, что министр иностранных дел Израиля мог бы здесь сделать очень краткое заявление, которое возможно стало бы историческим. Он мог бы прибыть сюда и сказать: «Да, у нас нет экспансионистских намерений, и мы берем на себя обязательство никогда не расширять свою территорию за пределы линий, которые мы достигли в 1947 году». Если действительно необходимы безопасные границы, то они должны быть приемлемыми для всех, ибо максимум безопасности для одного государства будет означать максимум опасности для его соседей. Единственным путем обеспечения безопасности является приемлемость границ, а ее, видимо, можно достичь в результате отвода войск к линиям, приемлемым для палестинцев, иорданцев, сирийцев и египтян.

96. Мы, со своей стороны, не собираемся и не хотим ни на один миллиметр расширять свои международные границы. Что касается Израиля, то нашими международными границами являются границы с Палестиной. Г-н Эбан мог бы сказать это и рассеять беспокойство, которое существует у многих, не знающих ситуацию так, как знаем ее мы. Действительно ли Израиль стремится к экспансии, или же это просто бедная страна, которая

ищет пристанища и безопасности? Г-н Эбан мог бы ответить на это, но он этого не сделал.

97. Еще одним, не менее ярким и кратким, могло бы быть заявление: «Да, мы согласны с резолюцией 242 (1967) Совета Безопасности, независимо от того, устанавливает ли она ненадежную или стабильную ситуацию. Мы согласны с пунктом, где говорится о назначении г-на Ярринга Специальным представителем Генерального секретаря, на которого возложено осуществление этой резолюции».

98. После четырех лет этот человек, г-н Ярринг, обнаружил, что он зашел в тупик. Он сказал: «Я не смогу выйти из этого тупика, если не задам эти вопросы и не потребую параллельных и одновременных на них ответов. Без этого я не смогу ничего сделать». И он задал эти вопросы Израилю и Египту. Мы ответили, и Израиль ответил. Ответ Израиля заключался в том, что он через г-на Ярринга направил нам письмо.

99. Никакая риторика не может запутать ситуацию. Мы сказали: «Да, мы согласимся — и здесь, бесспорно, выдвигается условие; в этом я согласен с г-ном Эбаном — заключить мирное соглашение с Израилем, если Израиль даст вам, г-н Ярринг, ответ на то, о чем вы просите, то есть возьмет на себя обязательство отвести свои войска к международным границам Египта и так далее».

100. Мы никогда не прерывали не прямых переговоров или же переговоров с г-ном Яррингом. Я никогда не покидал Нью-Йорка. Я был здесь, и я все еще нахожусь здесь. Из Нью-Йорка уехал лишь г-н Ярринг. Он уехал из Нью-Йорка потому, что получив ответ, в котором впервые говорилось: «Нет, мы не намерены вернуться к международным границам Египта», он сделал вывод, что это означало: «Да, мы собираемся аннексировать часть Египта». А поскольку он не мог быть причастным к аннексии территории какой-либо страны, он прекратил свою деятельность.

101. Вы спрашиваете его: «На каких условиях вы бы вернулись?» Он уже на это дал ответ. Он сказал об этом в своем докладе Генеральному секретарю (A/8541), которым вы располагаете. Он сказал, что сможет вернуться лишь тогда, когда получит от Израиля положительный ответ.

102. Мне больно говорить сейчас об инициативе африканских стран. Мы очень высоко ценим их инициативу. Мы воспринимаем ее как великое проявление братства и солидарности стран Африки с нами. Мы говорим себе: это свидетельствует о том, что «друзья познаются в беде». Африканская миссия составила доклад. У меня этот доклад в руках. Я располагаю полным текстом доклада. Но члены миссии считали благоразумным не распространять его до того момента, пока его не увидят президенты 41 африканского государства. Они держали этот доклад в секрете, но мне известно от наших братьев и коллег здесь, что израильские посольства во всех странах — особенно в Лондоне — распространяют этот доклад.

103. Но полный ли текст доклада распространяют они? Является ли полным тот документ, который видели здесь многие члены Генеральной Ассамблеи? Не является ли он урезанным? Не изъята ли из него девятая страница? Я говорю, что изъята; то, что мы имеем здесь, это меморандум на восьми страницах. Полный текст — я очень сожалею, что мне придется представить вам его сейчас — включает девять страниц, и я хотел бы зачитать вам три последних пункта, переводя по возможности быстро с подлинного текста на французском языке. Мне, вероятно, не следовало бы делать того, что должен был бы сделать один из африканских членов Организации африканского единства, но что еще могу я сделать, чтобы доказать фактическое положение вещей, что Африка не могла разменивать или продавать часть своей территории или территории какого-либо из ее государств-членов; что Африка не могла выступать против действительного осуществления резолюции 242 (1967) Совета Безопасности, что Африка не могла возражать против инициативы г-на Ярринга? Как еще могу я доказать данной Ассамблее, что африканские лидеры никогда не думали, никогда не считали, никогда не ставили перед собой какой-нибудь специальной или отдельной задачи, помимо задачи укрепления миссии г-на Ярринга и поддержки мирных усилий Организации Объединенных Наций? Как еще я могу доказать данной Ассамблее, что они верят в гарантии мирового сообщества, в противном случае при их слабости они не могли бы продолжать существовать?

104. В противоположность заявлениям министра иностранных дел Израиля, утверждающего, что от Совета Безопасности, по существу, нельзя ничего ожидать, они верят, что сбудутся мечты людей в отношении Организации Объединенных Наций и ее Устава. Именно поэтому они находятся здесь, именно поэтому и мы находимся здесь. Я не могу представить себе, как можно предполагать или верить, что от Организации Объединенных Наций нечего ожидать, кроме бессилия. Зачем тогда вообще приходиться сюда?

105. А теперь я зачитаю три последних пункта меморандума в переводе с французского языка:

«Судя по данным, собранным Подкомитетом, представляется, что переговоры могут возобновиться под эгидой д-ра Ярринга. Их успех можно считать предпрешенным, если только практическое применение идеи о безопасных и признанных границах не вынудит Египет отказаться от части его национальной территории».

В конечном счете суть вопроса заключается в том, чтобы склонить Израиль к согласию на создание (без какой-либо аннексии территорий) аппарата, который будет должным образом гарантировать его безопасность.

Представляется очевидным, что Совету Безопасности и великим державам, которые будут в состоянии в надлежащее время обеспечить выполнение принятых решений, предстоит сыграть в этой связи решающую роль».

106. Таким образом, проект резолюции Афганистана и 20 других государств (A/L.650 и Add.1 и 2) — это смелая попытка открыть дверь к миру, дверь, которая заблокирована из-за нежелания или отказа государства Израиль ответить г-ну Яррингу после четырех лет трудной, длительной работы, направленной на то, чтобы определить, как мы можем сделать первый шаг на пути к миру. Но если будет резолюция, в которой будет сказано, что Израиль никогда не захватит даже части египетской земли, как об этом сказано в заключении африканских стран, — если будет резолюция, в которой будет сказано, что Израиль никогда не будет стремиться ни к какой территориальной аннексии, как об этом говорится в меморандуме, — если кто-нибудь скажет нам, что Израиль удовлетворится гарантиями, которые даст ему международное сообщество, Организация Объединенных Наций, Совет Безопасности, постоянные члены, то это будет лучший и более эффективный шаг на пути к миру.

107. Я хочу сказать, что мы очень признательны главам африканских государств за их инициативу. Мы делали и делаем все возможное для успеха этой инициативы, ибо не сомневаемся, что они никогда не согласятся — даже если мы согласимся — с освящением идеи приобретения территорий путем войны, с той идеей, что Устав пригоден лишь для того, чтобы на него смотреть, а не для того, чтобы им руководствоваться. Они никогда не согласятся с этой идеей, они никогда не согласятся с тем, чтобы часть территорий Египта была отторгнута в результате переговоров, или без переговоров, или под давлением невыносимого бремени оккупации, они не согласятся с провозглашенным здесь новым принципом, что оккупация продлится до тех пор, пока Египет не согласится с тем, чтобы оккупация носила частичный характер. Этого никогда не будет, и если мы говорим здесь только о части проблемы, то есть об отношениях между Египтом и Израилем, — я не говорю о всех других проблемах, связанных с оккупацией израильскими войсками трех других арабских государств, и о правах палестинцев, — то лишь потому, что мы стремимся пойти навстречу, предпринять именно те шаги, которые, по мнению Специального представителя Генерального секретаря г-на Ярринга, мы могли бы предпринять.

108. Но я заявляю министру иностранных дел Израиля и всем нашим друзьям здесь, что говоря, что мы не настаивали бы на ответе г-ну Яррингу, мы не только «снимаем Израиль с крючка», если можно так выразиться, мы не только говорим, что не настаиваем на положительном ответе Израиля, но также — и я надеюсь, что это очевидно и совершенно ясно, — берем обратно, отрицаем, объявляем недействительным, бесполезным и бессмысленным ответ Египта послу Яррингу. Не будет никакого ответа. Я согласен, что это был обусловленный ответ. Сам вопрос: «Если Израиль сделает это, сделаете ли вы это?» был также обусловленным, а если не сделает, то тогда, конечно, нашего ответа не будет. Но если нашего ответа не будет и посол Ярринг вновь вернется, столкнувшись с

дилеммой, если он вновь вернется со словами, что ему некуда ехать, то тогда единственно, куда ему можно направиться, так это домой или на свое место посла в России, и, покинув Организацию Объединенных Наций, заявить, что эта резолюция, — после этого года и прежде чем ее паломничеству исполнится пять лет — больше не существует.

109. Именно поэтому мы хотим, чтобы Ассамблея помогла нам открыть возможность для переговоров с послом Яррингом, чтобы большие уступки, новое большое решение, принятое на Ближнем Востоке после 1967 года в подлинно напряженных поисках мира, не были бы сведены на нет, потому что, если нам не на что надеяться, то единственное, что останется делать, — это спросить совета у Ассамблеи, попросить ее членов, чтобы они выполнили взятые ими на себя при подписании Устава обязательства — объединиться для поддержания мира, объединиться для обеспечения территориальной целостности всех государств, объединить свои усилия для устранения любыми средствами, находящимися в распоряжении Генеральной Ассамблеи или Совета Безопасности, любого нарушения территориальной целостности.

110. Перед нами здесь очень простой проект резолюции. Мы согласились с ним, и от имени Египта я заявляю, что мы намерены голосовать за него. Мы будем голосовать за него потому, что он представляет собой попытку наших друзей заставить Организацию Объединенных Наций сделать, может быть, последнее усилие для установления мира на Ближнем Востоке на условиях, изложенных Советом Безопасности в 1967 году. Мы все еще придерживаемся этого, мы намерены голосовать за этот проект резолюции, и надеемся, что он будет принят максимальным большинством государств.

111. Г-н УОЛДРОН РАМСЕЙ (Барбадос) (*говорит по-английски*): Я вновь поднялся на трибуну, чтобы официально представить поправки, содержащиеся в документе A/L.655, первоначально предложенном делегацией Барбадоса. Мой коллега и друг, представитель Ганы поручил мне сообщить Ассамблее, что его правительство присоединяется к Барбадосу в качестве одного из соавторов проекта резолюции A/L.651, как и поправок, которые я официально представляю теперь Ассамблее. Таким образом, правительства Барбадоса и Ганы являются теперь авторами как поправок, так и проекта резолюции.

112. Я не буду говорить подробно, поскольку — как это можно ясно заключить из проекта поправок, цель их, в основном, та же, что и цель проекта резолюции, который я представил Ассамблее в субботу днем [2014-е заседание].

113. Правительство моей страны твердо убеждено, что квинтэссенция рассматриваемой нами проблемы состоит не в выработке формулировок, которые в конечном счете будут зафиксированы в мирном соглашении или в мирном договоре между сторонами, участвующими в конфликте, а скорее в том, что суть стоящей перед нами задачи — перепутье, которого мы достигли — заключается в том,

чтобы — возможно, путем каких-то изменений процедуры — удвоить свои усилия, направленные на возобновление переговоров под эгидой Специального представителя г-на Ярринга.

114. Короче говоря, насколько мы понимаем, единственной целью Ассамблеи является возобновление переговоров при содействии г-на Ярринга.

115. Ассамблея убедится, что наши поправки к проекту резолюции A/L.650, в основном, изменили бы соображения, которые мы считаем пристрастными позициями, касающимися сути конфликтов, заменив их соображениями процедурного характера. Вышеупомянутые соображения составляют основную часть проекта резолюции, который первоначально появился в качестве проекта резолюции Барбадоса (A/L.651), и изложены в пункте 1 постановляющей части.

116. Случилось так, что взгляды, выраженные десятью африканскими президентами и переданные ими сторонам, являются также и взглядами правительства Барбадоса. Фактически случилось так, что взгляды десяти африканских президентов, изложенные в их рекомендациях сторонам, участвующим в конфликте, полностью тождественны взглядам Барбадоса. Поэтому, если правительство Барбадоса стремится отнести за счет глав десяти африканских государств рекомендации, представленные в пункте 1 нашего основного проекта резолюции и в основной части проекта поправок, который я теперь представляю, то лишь потому, что мы хотим проявить элементарную справедливость. Поэтому мы хотим отнести эти рекомендации за счет африканских президентов, которые на основе своего мудрого и трезвого подхода разработали и сформулировали эти взгляды гораздо лучше, чем могли бы это сделать мы. Таким образом, по существу, это наши взгляды, но они, если хотите, были сформулированы десятью африканскими президентами так, что удовлетворяют правительство моей страны.

117. Поэтому мы исключили бы первые пять пунктов постановляющей части так называемого проекта Афганистана (A/L.650 и Add.1 и 2), заменив их пунктом 1 моего первоначального проекта резолюции [A/L.651]. Затем мы добавили бы еще три пункта постановляющей части. Мы, например, приняли бы во внимание ответ сторон на вышеуказанные предложения. Мы бы призвали Генерального секретаря возродить миссию Специального представителя Генерального секретаря на Ближнем Востоке во исполнение резолюции 242 (1967) Совета Безопасности. Наконец, мы призвали бы стороны немедленно возобновить переговоры через посредство Специального представителя с целью заключения мирного соглашения.

118. Поскольку наше правительство следует своему намерению строго придерживаться позиции нейтралитета в данном вопросе, мы не стремились изменить другие положения проекта резолюции A/L.650, которые, как мы считаем, являются сугу-

бо и открыто пристрастными по характеру и целям. Если отдельные части этого проекта резолюции будут поставлены на голосование пункт за пунктом, то моя делегация, в соответствии с инструкциями, будет голосовать по ним, тем самым показав, в какой мере мы пожелаем оказать или не оказать поддержку данным положениям проекта резолюции.

119. В отношении секретности меморандума президентов африканских стран высказывались различные мнения и давались различные определения, и моя делегация не хотела бы вступать в прения по этому вопросу, но мы хотим лишь сказать, что этот меморандум, как мы знаем, получил теперь самую широкую огласку, так что в настоящее время он известен повсеместно. Он уже доступен всем. Насколько мы понимаем, его полностью опубликовали в одной из ведущих общеизвестных газет в Дакаре (Сенегал); он широко обсуждался, насколько мы понимаем, в ближневосточных газетах — в Иерусалиме и Каире; ему было уделено столь же большое внимание в газетах Соединенных Штатов Америки, включая и «Вашингтон пост».

120. Поэтому, исходя из нашего простого толкования слова «секретность», мы не могли, в свете этих фактических данных, придать этому документу какой-либо секретный характер. Однако мы не собираемся по этому вопросу вступать в спор.

121. Один из моих коллег и друзей хотел бы пожаловать мне чин мастера шпионажа. Я должен смиренно отказаться от этой чести. Я признаю, что я хороший дипломат, хотя говорить об этом довольно нескромно; я еще более хороший юрист, но я желал бы лишиться себя чести называться Джеймсом Бондом.

122. Теперь я сказал все, что хотел сказать по поводу моих поправок, за исключением того, что, заканчивая свое выступление, я прошу Ассамблею провести поименное голосование по моей второй поправке, которая заменила бы пункты 1, 2, 3, 4 и 5 постановляющей части проекта резолюции A/L.650; я прошу также провести поименное голосование по моей третьей поправке, которая гласит следующее:

«Призывает Генерального секретаря возобновить деятельность миссии Специального представителя Генерального секретаря на Ближнем Востоке во исполнение резолюции 242 (1967) Совета Безопасности».

123. Г-н ПАШАШИ (Объединенные Арабские Эмираты) (*говорит по-английски*): Для нашей делегации было уже слишком поздно принять участие в общих прениях по данному пункту повестки дня. Несколько дней назад, когда мы были приняты в члены Организации, прения уже близились к концу, и мы не просили разрешения принять в них участие, понимая, что Генеральной Ассамблее пришлось бы работать в эти последние горячие дни сессии в условиях огромного напряжения. Во всяком случае, мои арабские коллеги охватили все аспекты этой проблемы и мне нечего

добавить к тому, о чем они уже красноречиво говорили.

124. В заявлении, которое я сделал несколько дней назад по случаю приема Объединенных Арабских Эмиратов в члены Организации Объединенных Наций [2007-е заседание], я очень кратко изложил общую позицию моей делегации по вопросу о Палестине и заявил о нашей солидарности с другими арабскими государствами в поддержке права палестинского народа на родину его предков и на свободное осуществление его права на самоопределение.

125. Теперь я хотел бы остановиться только на проектах резолюций, представленных Ассамблее. Абсолютно ясно, что все три проекта имеют много общего; фактически, проекты, авторами которых являются соответственно Барбадос (A/L.651) и Коста-Рика (A/L.652), не добавляют ничего существенного к проекту резолюции 21 державы (A/L.650). Нам говорят, что они в основном направлены на возобновление деятельности миссии Специального представителя Генерального секретаря в соответствии с резолюцией 242 (1967) Совета Безопасности. Эта основная и открыто провозглашенная цель проектов резолюций, представленных делегациями Барбадоса и Коста-Рики, полностью отражена в проекте резолюции 21 державы, который также требует возобновления деятельности миссии Ярринга во исполнение резолюции 242 (1967) Совета Безопасности.

126. Разница между этими двумя проектами резолюции заключается не в том, что в них записано, а в том, о чем они умалчивают. О чем же они умалчивают? Они умалчивают о двух характерных моментах в проекте резолюции 21 державы, а именно: во-первых, о четком подтверждении основополагающего принципа Устава о недопустимости приобретения территории путем войны или применения силы — принципа, который является одним из двух основополагающих положений резолюции 242 (1967) Совета Безопасности; и, во-вторых, о возобновлении деятельности миссии Специального представителя Генерального секретаря посла Ярринга как на основе резолюции 242 (1967) Совета Безопасности, так и на основе его мирной инициативы от 8 февраля 1971 года. Таким образом, опускаются моменты, касающиеся, во-первых, недопустимости приобретения территории военным путем, и, во-вторых, инициативы посла Ярринга от 8 февраля.

127. Поскольку оба эти упущения составляют основную и главную разницу между проектом резолюции 21 державы и остальными двумя проектами, необходимо тщательно рассмотреть их и установить, следует ли Генеральной Ассамблее одобрить эти упущения.

128. Мы считаем, что отсутствие всякого упоминания о принципе недопустимости приобретения территорий путем войны подразумевает отрицание этого принципа, который, как я уже сказал, является одним из краеугольных камней резолюции 242 (1967) Совета Безопасности. В проектах резо-

люций, представленных делегациями Барбадоса и Коста-Рики, не устанавливается связь между предусматриваемой в этой резолюции концепцией безопасных и признанных границ и данным принципом. В них лишь заявляется, что эти границы должны быть определены в мирном соглашении, что означает, что переговоры о новых границах будут вестись без упоминания о каком-либо принципе или признанных рамках. Иными словами, участники переговоров не смогут опираться на какие-либо принципы или руководящие положения, получившие международное признание, а должны исходить из существующего территориального статус-кво.

129. Таким образом, при подобном способе ведения переговоров не только игнорируются Устав и резолюция 242 (1967) Совета Безопасности, которые делают принцип недопустимости приобретения территории одной из основ урегулирования, но и неизбежно предоставляется Израилю огромное преимущество. Он санкционировал и увековечил бы величайшее неравенство позиций Израиля и Египта на переговорах. Могут ли представители действительно ожидать, что будут вестись надлежащие переговоры, если одна из сторон оккупирует обширные территории другой?

130. Именно для того, чтобы ликвидировать это неравенство и установить известное равновесие между их соответствующими позициями, резолюция 242 (1967) Совета Безопасности провозгласила некоторые принципы и руководящие положения для любого окончательного урегулирования. Без таких принципов в качестве гарантий представитель Египта на переговорах неизменно зависел бы от его израильского оппонента. Вопрос о переговорах с предварительными условиями и без таких условий был одним из основных вопросов, обсуждавшихся в ходе продолжительных переговоров, которые привели к принятию резолюции 242 (1967) Совета Безопасности.

131. В то время позиция Израиля состояла в том, что Организация Объединенных Наций должна ограничить свою деятельность исключительно призывами к заинтересованным сторонам вести прямые переговоры в целях достижения урегулирования. Точка зрения арабов заключалась в том, что израильские войска должны быть немедленно и безоговорочно выведены с оккупированных территорий. Большинство членов Совета не приняли ни ту, ни другую точку зрения. Позиция Израиля была расценена как абсолютно неприемлемая, поскольку она подразумевала прежде всего признание за Израилем права бесконечно долго оккупировать арабскую территорию и использовать эту оккупацию, чтобы занять выгодную позицию в переговорах и навязать арабам такое урегулирование, которое повлекло бы за собой передачу Израилю больших районов оккупированных территорий.

132. Дело в том, что международное сообщество было полно решимости соблюдать принцип Устава о недопустимости приобретения территории путем войны. В 1971 году эта позиция остается не менее

твердой, чем в 1967 году. В конце концов, вопрос этот касается не только арабо-израильского конфликта, он касается одного из самых важных и основополагающих принципов, зафиксированных в Уставе. Этот принцип нельзя изменять или делать объектом компромисса.

133. В переговорах, которые привели к принятию резолюции 242 (1967) было сочтено необходимым определить рамки окончания мирного урегулирования и установить некоторые принципы, которыми должно определяться подобное урегулирование, иначе говоря, об известных условиях пришлось договориться заранее. Именно на основе этого общего мнения длительные и напряженные переговоры завершились единодушным принятием Советом Безопасности резолюции 242 (1967); подобное единодушие было впервые достигнуто по столь противоречивому и важному вопросу, каким является арабо-израильский конфликт.

134. Генеральный секретарь назначил посла Ярринга для содействия достижению договоренности в соответствии с принципами, изложенными в этой резолюции. После более чем трехлетнего периода бесплодных попыток посол Ярринг, который очень подробно и глубоко изучил позиции обеих сторон, выступил 8 февраля 1971 года с мирной инициативой. Эта инициатива явилась результатом тщательных и исчерпывающих переговоров с обеими сторонами. Он знал, как никто другой, точные позиции обеих сторон, их требования, их опасения, их чаяния и намерения. Другими словами, его беспредельное терпение и знание проблем, как и его честность и способность, делали и делают его исключительно подходящим кандидатом для осуществления задачи, которую Генеральный секретарь справедливо охарактеризовал как почти неосуществимую.

135. Посол Ярринг предложил условия, которые он считает минимальными для выхода из тупика. Идея принятия предварительных обязательств принадлежит не ему, но он предложил ее в ответ на настойчивые требования обеих сторон.

136. Поистине удивительно, что Израиль и некоторые его сторонники провозглашают теперь новый лозунг отказа от предварительных условий. Именно Израиль настаивал на том, чтобы Объединенная Арабская Республика приняла некоторые предварительные обязательства прежде, чем он согласится на не прямые переговоры при содействии посла Ярринга. Разрешите мне привести выдержку из имеющегося у нас доклада Генерального секретаря:

«Более значительным является то, что каждая сторона настаивала на том, что другой стороне следует быть готовой принять определенные обязательства до того, как она будет готова перейти к стадии формулирования условий мирного урегулирования.

Израиль со своей стороны, настаивал на принятии Объединенной Арабской Республикой определенных, прямых и взаимных обязательств

относительно ее готовности заключить мирное соглашение с Израилем и дать ему различные гарантии, о которых идет речь в пункте 1 ii резолюции 242 (1967) Совета Безопасности [A/8541, пункты 8 и 9].

137. Оценка положения послом Яррингом, основанная на его глубоком знании позиций обеих сторон и учитывающая препятствия и трудности, с которыми пришлось столкнуться за месяцы бесплодных и тщетных усилий, привела его к тому выводу, что единственным способом устранить препятствия на пути переговоров является получение предварительных обязательств от обеих сторон по ключевым вопросам, которые эти стороны считают важнейшими. Израиль с самого начала настаивал на том, что урегулирование должно быть зафиксировано в мирном соглашении, подписанном обеими сторонами. Египетское правительство вначале отклонило это требование, поскольку в соответствии с резолюцией 242 (1967) ему не предъявлялось конкретное требование подписать такое соглашение с Израилем, но, в конечном счете, египетское правительство согласилось с просьбой посла Ярринга дать такое обязательство с тем, чтобы он мог продолжить свои усилия.

138. Выдвигая это предложение, посол Ярринг не отошел, как это заявил сегодня утром г-н Эбан, от резолюции 242 (1967). Напротив, он действовал полностью в рамках этой резолюции, которая устанавливает оба основных принципа, а именно: недопустимость приобретения территорий путем войны и право каждого государства жить в мире в рамках признанных и безопасных границ.

139. Израиль же, получив это обязательство от Египта, по-прежнему отказывается взять на себя обязательство, которого не только требует резолюция 242 (1967), но которое является, по существу, обязательством всех государств-членов в соответствии с Уставом.

140. Я уверен, что принятие Египтом требований Израйля о мирном соглашении явилось, должно быть, крайне неприятным сюрпризом для израильтян. Они надеялись, что отказ Египта сделать это позволит им саботировать миссию Ярринга и избавиться раз и навсегда от резолюции 242 (1967), которую они всегда считали для себя крайне обременительной. Но получив теперь от Египта обязательство заключить мирное соглашение, Израиль провозглашает теорию отказа от предварительных условий, что является еще одной попыткой сорвать миссию Ярринга и похоронить резолюцию 242 (1967).

141. Вызывает удивление, что в проектах резолюции, представленных делегациями Барбадоса, Коста-Рики и другими, полностью игнорируется инициатива посла Ярринга, которая, в конце концов, является единственно обнадеживающим элементом в ситуации, омраченной четырехлетним пребыванием в тупике. Мы не можем согласиться с фантастической версией позиции, занятой обеими сторонами, которую дал г-н Эбан. Он пытался поставить в равное положение согласие Египта и

отказ Израиля. Это любопытное упражнение в семантике было не чем иным, как отчаянной попыткой внести путаницу и исказить правду.

142. Нам следует скорее принять оценку обоих ответов, данную Генеральным секретарем, а не г-ном Эбаном. Если бы Генеральная Ассамблея отклонила теперь конструктивную инициативу посла Ярринга, она приняла бы на себя крайне серьезную ответственность не только за подрыв доверия к Генеральному секретарю и его Специальному представителю, но и за нарушение основополагающего принципа Устава о недопустимости приобретения территории, да и за нарушение самой резолюции 242 (1967).

143. Принятие проектов резолюций Барбадоса и Коста-Рики означает именно это. Я надеюсь, что каждый из присутствующих здесь сознает серьезность последствий такого шага. С другой стороны, приняв проект резолюции 21 державы, Ассамблея поддержала бы основополагающий принцип Устава и усилия Специального представителя Генерального секретаря, имеющие целью способствовать достижению соглашения во исполнение его полномочий согласно резолюции 242 (1967).

144. Это не догматическая приверженность документам — как заявил г-н Эбан, — это догматическая приверженность принципу. Отклонение проекта резолюции 21 державы или принятие одного из остальных двух проектов лишило бы смысла резолюцию 242 (1967). Такая мера явилась бы также выражением недоверия к мнению Генерального секретаря и его Специального представителя. Более того, она исключила бы любую реальную возможность мирного урегулирования. Даже те, кто не согласен с резолюцией 242 (1967), и у кого имеются оговорки по поводу этой резолюции, должны сознавать, что, не голосуя за нее, они позволят Израилю уклониться от своих обязательств, вытекающих из Устава и резолюции 242 (1967).

145. Занимаясь резолюциями и докладами, мы не должны упускать из виду основной факт, касающийся пункта, для приличия именуемого «Положение на Ближнем Востоке». Это, прежде всего, вопрос о тяжелом положении народа Палестины, мирного и высоко одаренного народа, который веками жил на родине своих предков и право которого на эту землю не может оспариваться ни по закону, ни исходя из истории. В корне этой проблемы лежит сионистское движение, которое вначале претендовало на их страну, а затем вытеснило их силой. С самого начала было ясно, что еврейское государство в Палестине могло быть создано только за счет арабского большинства этой страны. Разве можно создать государство, в котором господствуют иммигранты, не пожертвовав интересами первоначального и коренного населения этой страны? Разве юг Африки и Родезия не являются достаточным тому свидетельством?

146. Г-н Эбан винит арабов за то, что они не уступили Палестину, и говорит, что мы «никогда не имели верного представления о целях Израиля и никогда не знали его истинного лица», и что мы

«не постигли сущности исторических сил в процессе национального возрождения Израиля» [2000-е заседание, пункт 68].

147. Но факты состоят в том, что у нас имеется правильное представление об истинном лице и цели Израиля — пожалуй, более правильное, чем у кого бы то ни было. Каково истинное лицо Израиля? Это — сообщество поселенцев-иммигрантов, которые вначале пришли в Палестину против воли большинства, а затем, применив силу, вытеснили это большинство. Такова его подлинная суть. Целью же Израиля является создать исключительно еврейское государство типа гетто, которое, в конечном счете, станет родиной всех тех, кто исповедует иудаизм. Если для размещения новых иммигрантов и укрепления государства понадобятся новые земли, то Израиль будет расширять свою территорию за счет соседних с ним арабских государств. Такова цель Израиля, которую открыто признают многие израильтяне; в том числе и занимающие ответственные посты.

148. Каковы исторические силы, которые привели к рождению Израиля? Это, во-первых, британская оккупация Палестины во время первой мировой войны, и мандат на управление этой страной, который был навязан ей вопреки неоднократно выражавшимся желаниям ее народа и в нарушение Статута Лиги Наций, на котором он был основан. Британский мандат позволил еврейской общине в Палестине в течение 30 лет возрасти благодаря иммиграции и покровительству британской армии с 7 процентов до более чем 30 процентов всего населения страны.

149. Вторым историческим фактором явилась трагедия еврейского населения Европы во время второй мировой войны; но искупление за нацистские преступления должно стать обязанностью Европы, а не исключительно арабов.

150. Третьим историческим фактором в рождении Израиля явилась постоянная и неограниченная экономическая, политическая и военная поддержка со стороны Соединенных Штатов. Именно эта поддержка позволила еврейскому меньшинству в Палестине провозгласить свое государство, изгнать большинство арабских жителей, а затем неуклонно расширять свою территорию, удерживая под своей оккупацией огромные арабские территории.

151. Таковы, следовательно, исторические силы, и в противовес тому, что сказал г-н Эбан, мы полностью понимаем их значение, поскольку арабы являются единственными жертвами этих так называемых исторических сил. Я не перестаю удивляться способности г-на Эбана повторять, выступая на этой Ассамблее, одно из самых надоедливых выражений, уже ставших штампом в этих стенах, которое характеризует Израиль как «маленькую страну, которая борется лишь за свой собственный мир...» [2000-е заседание, пункт 69], если следовать его словам. Даже самый легкомысленный человек не дает себя ввести этим в заблуждение, особенно после четырех с половиной лет военной оккупации арабских территорий, по-

сле того как Израиль в течение 24 лет не допускает возвращения домой сотен тысяч беженцев, в соответствии с многочисленными резолюциями, и после его неизменного пренебрежения к резолюциям Организации Объединенных Наций в отношении Иерусалима и обращения с арабами на оккупированных территориях. Эти действия вряд ли являются действиями «маленькой страны, которая борется лишь за свой собственный мир». Подлинное лицо Израиля — это вооруженное до зубов государство, которое не скрывает своих территориальных притязаний и экспансионистских устремлений; государство, которое упорно отвергает любую разумную мирную инициативу и в настоящее время делает все возможное, чтобы сорвать самую последнюю, и, пожалуй, самую обнадеживающую из этих инициатив.

152. Исходя из заявлений, которые я только что сделал, моя делегация будет голосовать за проект резолюции 21 державы [A/L.650 и Add.1 и 2]; против поправок, предлагаемых Барбадосом (A/L.655) и против проектов резолюций, представленных делегацией Барбадоса (A/L.651) и делегациями Коста-Рики и других стран [A/L.652 и Add.1].

153. Г-н МАРТИНЕС ОРДОНЬЕС (Гондурас) (*говорит по-испански*): Сейчас, когда подходят к концу прения по вопросу о положении на Ближнем Востоке, мы с беспокойством отмечаем, что хотя все вместе и каждый в отдельности из внесенных проектов резолюции содержит элементы, которые, по нашему мнению, должны быть включены в любое заявление Генеральной Ассамблеи, тем не менее упущены некоторые необходимые элементы. Поэтому мы и сочли необходимым взять слово.

154. Для моей делегации ясен один факт. Резолюция Генеральной Ассамблеи, которая не приближает конфликтующие стороны к решению проблемы, не представляет никакой практической ценности. Принципы, которые должны способствовать достижению окончательного решения проблемы Ближнего Востока и с которым согласны обе стороны, содержатся в резолюции 242 (1967) Совета Безопасности. Однако очевидны и широко известны недостатки в деле ее реализации. Любая

новая резолюция должна поэтому оцениваться с точки зрения ее способности определить основу, на которой могли бы встретиться конфликтующие стороны, и наметить шаги для осуществления того, что уже согласовано и признано, как, например, миссия Ярринга, усилия которого следует поддерживать. Делегация моей страны, испытывая чувство уважения и дружбы ко всем сторонам в конфликте, надеется, что в рассматриваемые сейчас проекты резолюций будут внесены необходимые изменения и дополнения, с тем чтобы сделать их подлинными инструментами урегулирования ситуации, которая действительно представляет серьезную угрозу международному миру и безопасности. Во всяком случае, мы предлагаем точно придерживаться следующих принципов, которые считаем неизменными.

155. Во-первых, никакое государство не имеет права приобретать территорию путем угрозы силой или применения силы. Военная оккупация не является источником права.

156. Во-вторых, любое государство имеет право жить в мире в пределах юридически установленных и должным образом демаркированных границ, точно обозначающих пределы территории под его суверенитетом.

157. В-третьих, необходимо всегда, даже в период чрезвычайной обстановки, уважать достоинство человеческой личности, с тем чтобы гарантировать неотъемлемые права, закрепленные в документах непреходящей моральной ценности и добровольно признанных нами, членами Организации Объединенных Наций.

158. В любом случае наше голосование по проекту будет точно отражать эти принципы, которые мы считаем имеющими постоянную силу. Мы надеемся, что успех будет сопутствовать сторонам, предлагающим сейчас усилия для достижения согласия, которое позволило бы включить в резолюцию или исключить из нее необходимые положения с тем, чтобы сделать ее эффективной и приемлемой для всех.

Заседание закрывается в 13 час. 20 мин.